

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

по жалобе Общественного объединения «Бир Дуйно - Кыргызстан» на
определение коллегии судей Конституционного суда Кыргызской
Республики от 19 сентября 2025 года

16 декабря 2025 года

город Бишкек

Конституционный суд Кыргызской Республики в составе:
председательствующего Осконбаева Э.Ж., судей Айдарбековой Ч.А.,
Бобукеевой М.Р., Дуйшеева К.А., Жолдошевой Л.Ч., Касымалиева М.Ш.,
Кыдырбаева К.Дж., Шаршеналиева Ж.А. при секретаре Мырзакановой Б.К.,
руководствуясь частью 5 статьи 30 конституционного Закона «О
Конституционном суде Кыргызской Республики», рассмотрел в судебном
заседании жалобу Общественного объединения «Бир Дуйно - Кыргызстан»
на определение коллегии судей Конституционного суда Кыргызской
Республики от 19 сентября 2025 года.

Исследовав доводы, изложенные в жалобе, и материалы по ходатайству
Исмаиловой Т.А., выслушав информацию судьи-докладчика Жолдошевой
Л.Ч., Конституционный суд Кыргызской Республики

У С Т А Н О В И Л:

В Конституционный суд Кыргызской Республики 19 августа 2025 года поступило обращение Общественного объединения «Бир Дуйно Кыргызстан» о проверке соответствия порядка принятия Постановления Кабинета Министров Кыргызской Республики «О мерах по реализации Закона Кыргызской Республики «О некоммерческих организациях» от 27 августа 2024 года №518 (далее - Постановление), а также пунктов 36-40 Положения о порядке ведения Реестра некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного представителя, и проведения проверки их деятельности (далее - Положение) части 2, 3 статьи 23, части 2 статьи 24, статье 36, части 4 статьи 37, пункту 11 части 1 статьи 91, абзацу 2 статьи 105 Конституции Кыргызской Республики.

В обращении указывается, что оспариваемое Постановление принято без проведения обязательного общественного обсуждения, что лишило некоммерческие организации права участвовать в принятии решений республиканского значения.

Заявитель полагает, что Постановление нарушает его конституционные права, так как наделяет органы исполнительной власти полномочиями, выходящими за пределы статьи 17-1 Закона Кыргызской Республики «О некоммерческих организациях», и, соответственно, нарушает принцип правовой определенности и положения статьи 22 Международного пакта о гражданских и политических правах (далее - МПГПП), гарантирующие свободу ассоциаций.

Отмеченное Постановление по указанным выше основаниям было оспорено заявителем в судах общей юрисдикции. Решением суда первой инстанции в удовлетворении административного иска было отказано, апелляционная инстанция оставила его без изменения, а кассационная инстанция оставила состоявшиеся судебные акты нижестоящих судов в силе.

Автор обращения отмечает, что в Кыргызской Республике равенство

всех перед законом и судом невозможно обеспечить при существовании норм, допускающих неоднозначное толкование и различное применение.

В подтверждение своей позиции заявитель ссылается на Замечания общего порядка №34 (статья 19 МПГПП) и № 37 (статья 21 МПГПП) Комитета по правам человека ООН, согласно которым ограничения прав человека должны быть четко сформулированы, предсказуемы и не должны наделять органы власти неограниченными дискреционными полномочиями. Эти подходы применимы и к регулированию свободы ассоциаций по статье 22 МПГПП.

Из указанных норм следует, что контрольно-надзорные процедуры, осуществляемые государственными органами, должны соответствовать конституционным критериям законности, правовой определенности, правомерной цели и пропорциональности. Требования к проверяемым субъектам должны быть допустимы лишь постольку, поскольку они необходимы для достижения законной цели и не вмешиваются в их текущую деятельность сверх необходимого. В частности, истребуемые документы должны быть связаны с предметом проверки, не дублировать ранее предоставленные документы и не находиться в открытом доступе. Запрещается требовать документы, которые организация не обязана иметь по закону, или создавать новые документы по требованию проверяющего органа. Сроки исполнения должны быть разумными и нормативно закрепленными, исключающими произвольное их сокращение.

Пункты 36-40 Положения, по мнению заявителя, не соответствуют отмеченным требованиям, они допускают неограниченное количество проверок одной организации по любым сообщениям, в том числе анонимным, позволяют устанавливать чрезмерно короткие сроки для исполнения требований и допускают повторное истребование ранее предоставленных или общедоступных документов.

Заявитель также считает, что Кабинет Министров неправомерно расширил полномочия органов прокуратуры. Так, абзац четвертый пункта 37

Положения предусматривает направление в прокуратуру вопросов, связанных с участием некоммерческих организаций в политической деятельности, для дачи заключения.

Согласно статье 105 Конституции, органы прокуратуры осуществляют уголовное преследование, участвуют в судебных разбирательствах, надзирают за исполнением судебных решений и выполняют иные полномочия, установленные конституционным законом. Пункт 1 части 2 статьи 2 конституционного Закона «О прокуратуре Кыргызской Республики» ограничивает предмет прокурорского надзора за соблюдением законов государственными органами и юридическими лицами, получающими государственное или местное финансирование. Некоммерческие организации, не получающие такого финансирования, соответственно, не относятся к объектам прокурорского надзора. Часть 2 статьи 3 указанного закона прямо запрещает возложение на прокуратуру функций, не предусмотренных законодательством.

Поскольку прокуратура является органом государственной власти со специальным статусом, Кабинет Министров Кыргызской Республики не может наделять его новыми полномочиями, включая консультативные.

Заявитель также отмечает, что Постановление, будучи подзаконным нормативным актом, ограничивает права граждан и организаций, что противоречит части 3 статьи 23 Конституции.

С учетом изложенного, заявитель просил признать оспариваемые нормы противоречащими Конституции.

Определением коллегии судей Конституционного суда от 19 сентября 2025 года было отказано в принятии к производству обращения Общественного объединения «Бир Дуйно - Кыргызстан».

В данном определении относительно доводов заявителя о том, что Постановление было принято без обязательного общественного обсуждения отмечено, что согласно имеющейся правовой позиции Конституционного суда, выраженной в его Постановлении от 19 февраля 2025 года,

Конституционный суд, рассматривая дела о проверке конституционности законов и иных нормативных правовых актов, наряду с проверкой содержательной части нормативного правового акта или его элемента, осуществляет формальный контроль, включающий в себя проверку правомочности нормотворческого органа, соблюдения им конституционных и законодательных требований к порядку принятия и введения в действие оспариваемого нормативного правового акта.

Формальный контроль осуществляется в рамках материального контроля, то есть при рассмотрении конституционности содержания нормативного правового акта или его отдельных положений, что означает, что Конституционный суд не проверяет процесс принятия нормативного правового акта отдельно сам по себе. Он оценивает его лишь как часть общего анализа конституционности оспариваемого акта, принятого в конституционное производство.

Коллегия судей также посчитала, что мнение заявителя относительно расширения Кабинетом Министров полномочий органов прокуратуры является необоснованным.

В соответствии с функциональным предназначением прокуратуры, указанным в статье 2 конституционного Закона «О прокуратуре Кыргызской Республики», прокуратура является государственным органом, призванным обеспечивать верховенство закона, единство и укрепление законности, а также защиту охраняемых законом интересов личности, общества и государства. Учитывая особое место, занимаемое прокуратурой в системе государственных органов, ее обособленность в механизме разделения властей, Конституция, законы и иные нормативные правовые акты возложили на нее надзорные функции; представительство интересов государства и гражданина в установленных законом случаях; функции государственного обвинителя; осуществление уголовного преследования должностных лиц государственных органов; а также осуществление иных полномочий, предусмотренных конституционным Законом «О прокуратуре

Кыргызской Республики» и иными нормативными правовыми актами Кыргызской Республики.

Данные полномочия органы прокуратуры осуществляют независимо от органов государственной власти, органов местного самоуправления, коммерческих и некоммерческих организаций и в строгом соответствии с Конституцией, нормативными правовыми актами и вступившими в установленном законом порядке в силу международными договорами, участницей которых является Кыргызская Республика (статья 3 конституционного Закона «О прокуратуре Кыргызской Республики»).

Учитывая правовую конструкцию статьи 105 Конституции, содержащую ссылку об определении полномочий прокуратуры специальным конституционным законом, пункт 8 части 2 конституционного Закона «О прокуратуре Кыргызской Республики» предусматривает выполнение ею и иных функций, предусмотренных иными нормативными правовыми актами. Оспариваемые положения носят нормативный характер и предусматривают публично-правовой порядок реагирования уполномоченных государственных органов на нарушения, допущенные со стороны некоммерческих организаций. В частности, абзац 4 пункта 37 Положения предусматривает направление в органы прокуратуры информации, связанной с оценкой соответствия деятельности некоммерческих организаций при их участии в политической деятельности собственным уставным целям, а также соблюдением иных требований законодательства Кыргызской Республики, для дачи заключения.

Указанное регулирование, предусмотренное нормативным правовым актом, устанавливает обязанность прокуратуры дать правовую оценку представленной информации в рамках обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты охраняемых законом интересов личности, общества и государства, что соответствует статье 2 конституционного Закона «О прокуратуре Кыргызской Республики».

На основании указанных выше выводов коллегия судей не нашла неопределенности в вопросе о том - соответствуют ли оспариваемые нормы требованиям Конституции, что, в свою очередь, явилось основанием для отказа в принятии обращения к конституционному судопроизводству.

Не согласившись с определением - коллегии судей, ОО «Бир Дуйно Кыргызстан» в лице его руководителя Исмаиловой Т.А. 27 октября 2025 года обратилось с жалобой в Конституционный суд.

Она считает отказ коллегии судей в принятии ее ходатайства к производству незаконным и необоснованным, подлежащим отмене по следующим причинам.

По мнению Исмаиловой Т.А., коллегия судей отказалась в принятии ее обращения по причине несоответствия по форме и содержанию в соответствии с требованиями статей 27 и 30 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», несмотря на то, что ею были приведены достаточно аргументированные доводы о наличии правовой неопределенности, что нарушает часть 10 статьи 49 обозначенного конституционного Закона.

Заявитель утверждает, что в части ходатайства о неконституционности расширения полномочий прокуратуры Кыргызской Республики, коллегия судей указала на соответствие оспариваемых Постановления и Положения статье 105 Конституции.

Тем самым, по ее мнению, коллегия судей вышла за пределы своих полномочий, фактически рассматривая дело по существу при вынесении решения об отказе в принятии ходатайства.

Также в жалобе указывается, что ссылка судей на ранее принятое Постановление Конституционного суда от 19 февраля 2025 года некорректна, поскольку оно не разрешает вопрос о конституционности отказа Кабинета Министров от проведения общественного обсуждения.

Исмаилова Т.А. особо обращает внимание на то, что коллегия судей Конституционного суда никак не высказалась относительно части

ходатайства заявителя, оспаривающей нарушение конституционных и международно-правовых требований правовой определенности и однозначности пунктов 36- 40 оспариваемого Положения.

С учетом изложенного, субъект обращения просит отменить определение коллегии судей от 19 сентября 2025 года и принять ее ходатайство к конституционному судопроизводству, а также рассмотреть представленную жалобу с ее участием.

Помимо этого, 13 ноября 2025 года заявителем было внесено дополнительное ходатайство с просьбой обеспечить участие представителя организации при рассмотрении жалобы на определение коллегии судей от 19 сентября 2025 года.

Заявитель указывает, что принятый Закон и последующее регулирование имеет дискредитирующий характер относительно деятельности некоммерческих организаций, вводя дискриминационные требования к НКО, получающим иностранное финансирование, и, создавая режим повышенного контроля, который затрагивает в том числе деятельность ОО «Бир Дуйно - Кыргызстан». По мнению заявителя, это приводит к ограничениям в реализации гарантированных Конституцией прав на свободу объединений, выражения мнения и участия в общественной жизни, подрывает доверие к организации со стороны партнеров и доноров, усиливает риски преследования правозащитников и провоцирует кампании очернения и угрозы в их адрес.

В представленном ходатайстве содержатся ссылки на международные стандарты ООН и международную практику, в которых подчеркивается недопустимость использования законодательства о НКО как инструмента давления на правозащитные организации, а также недопустимость публичного маркирования подобных организаций как «иностранных агентов» или иных форм дискредитации. Отмечается также влияние законодательных нововведений на безопасность правозащитников, в том

числе с учетом случаев угроз, кампаний преследования и ограничений доступа к ресурсам.

Относительно доводов о наличии правовой неопределенности Исмаилова Т.А. особо отмечает, что оспариваемое регулирование приводит к снижению уровня участия НКО в разработке государственных стратегий, вызывает отказ государственных органов от сотрудничества с правозащитными организациями, препятствует доступу к международным грантам, создает угрозу для реализации проектов, направленных на защиту прав человека. Она также акцентирует внимание на «эффекте охлаждения», когда организации и граждане воздерживаются от реализации своих прав из-за страха преследования.

В этой связи просит обеспечить возможность ее участия в заседании Конституционного суда по рассмотрению жалобы от 27 октября 2025 года на определение коллегии судей об отказе в принятии к производству обращения. Предоставить возможность заявителям изложить доводы и аргументы для реализации конституционного права граждан Кыргызской Республики на участие в общественной жизни и защиты прав человека, что будет способствовать не только реализации принципов открытости и справедливости судебного процесса, но и укреплению международного имиджа Кыргызской Республики, как демократического государства, уважающего верховенство права и свои международные обязательства в сфере прав человека.

Конституционный суд, обсудив доводы заявителя и основания отказа коллегии судей в принятии обращения к производству, приходит к следующим выводам.

Конституционным судом неоднократно подчеркивалось, что высокая степень доступности конституционного правосудия не предполагает возможность обращения в Конституционный суд по любому поводу, игнорируя принцип презумпции конституционности нормативных правовых актов. С учетом этого законодательством установлены требования к форме,

содержанию и обоснованию обращения. Эти требования направлены на недопущение возбуждения конституционного производства без достаточных оснований и наличия объективно подтвержденной правовой неопределенности.

Рассматривая жалобу, Конституционный суд пересматривает определение коллегии судей строго в пределах доводов, изложенных обращении, а также с учетом аргументов, направленных на опровержение Выводов коллегии.

1. Относительно доводов заявителя о незаконности отказа коллегии судей в принятии обращения к конституционному судопроизводству, в том числе о необоснованности применения пункта 1 части 3 статьи 30 и нарушении части 10 статьи 49 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», отмечается следующее.

Оценивая указанные доводы, Конституционный суд исходит из того, что установленный указанным конституционным Законом порядок предварительного рассмотрения обращений коллегией судей придает такой стадии самостоятельный процессуальный характер. На данной стадии коллегия судей не рассматривает дело по существу, а проверяет, соответствует ли обращение требованиям статьи 27 указанного конституционного Закона, то есть содержит ли оно аргументированные основания правовой неопределенности, необходимые для возбуждения конституционного производства.

Из содержания определения коллегии судей следует, что отказ в принятии обращения был обусловлен не формальными недостатками обращения, а выводом о том, что изложенные заявителем доводы не позволяют установить наличие объективно подтвержденной правовой неопределенности и не вызывают очевидных сомнений в конституционности оспариваемых положений. Коллегия судей прямо указала на обязанность заявителя аргументировать свои требования доводами правового характера, демонстрирующими, каким образом регулятивное воздействие оспариваемых

норм затрагивают гарантированные Конституцией права и свободы человека и гражданина.

При этом отсутствие в определении коллегии судей детализированного анализа каждого довода обращения либо прямой ссылки на конкретные положения статьи 27 конституционного Закона само по себе не свидетельствует о неправильном применении пункта 1 части 3 статьи 30 указанного конституционного Закона. Данная норма предоставляет коллегии судей право дать общую оценку соответствия обращения критериям допустимости, без обязательного перечисления всех элементов предварительной проверки.

Конституционный суд также отмечает, что положения части 10 статьи 49 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» не возлагают на коллегию судей обязанность давать исчерпывающую оценку доводам обращения по существу на стадии его принятия. Требование мотивированности отказа в принятии обращения предполагает указание процессуальных оснований такого отказа, а не разрешение поставленных в обращении конституционно-правовых вопросов.

Таким образом, вывод коллегии судей о невозможности принятия обращения к конституционному судопроизводству, основанный на отсутствии очевидных сомнений в конституционности оспариваемых норм и недостаточной аргументации наличия правовой неопределенности, не выходит за пределы предоставленных ей конституционным Законом полномочий и не может рассматриваться как нарушение части 10 статьи 49 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики».

2. Относительно довода заявителя о некорректной ссылке коллегии судей на Постановление Конституционного суда Кыргызской Республики от 19 февраля 2025 года, а также о том, что пункт 3 части 2 статьи 17 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», определяющий пределы разрешения дела, по мнению

заявителя, не связывает формальный контроль конституционности нормативных правовых актов с материальным контролем, Конституционный суд приходит к следующему.

Коллегия судей, отказывая в принятии обращения, отвечая на довод заявителя о непроведении обязательного общественного обсуждения при принятии оспариваемого Постановления и утвержденного им Положения, сослалась на Постановление Конституционного суда Кыргызской Республики от 19 февраля 2025 года, в котором изложена правовая позиция Конституционного суда о взаимосвязи формального и материального контроля конституционности нормативных правовых актов в рамках единого процесса конституционного контроля.

Данная правовая позиция была использована коллегией судей правомерно в том смысле, что доводы, касающиеся исключительно формального контроля конституционности нормативных правовых актов по порядку их принятия, сами по себе не могли быть признаны достаточными для принятия обращения к конституционному судопроизводству при отсутствии подтверждения их обусловленности и влияния материальным аспектом оспариваемого нормативного регулирования.

Конституционный суд отмечает, что такой подход не является результатом усмотрения коллегии судей, поскольку прямо вытекает из требований статьи 17 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», которая, определяя пределы разрешения дела, императивно устанавливает, что проверка конституционности нормативного правового акта осуществляется по его содержанию, форме, а также по порядку принятия, подписания, опубликования и введения в действие. Перечисленные элементы конституционного контроля образуют единый, неделимый предмет проверки и по смыслу указанной нормы не предполагают их автономного, изолированного применения вне связи друг с другом.

Смысл и назначение указанного нормативного требования были раскрыты в Решении Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики от 2 декабря 2020 года, в котором подчеркнуто, что формальный контроль не выступает самостоятельным способом проверки конституционности, а является необходимой частью конституционного контроля, поскольку соблюдение процедур нормотворчества служит условием законности нормативного правового акта и подлежит оценке во взаимосвязи с его содержанием и конституционно-правовыми последствиями.

В этой связи Конституционный суд исходит из того, что материальный контроль направлен на оценку содержания нормативного регулирования и его соответствия Конституции с точки зрения воздействия на конституционные права и свободы человека и гражданина. Формальный контроль, в свою очередь, ориентирован на проверку соблюдения установленных процедур нормотворчества как условия законности нормативного правового акта и приобретает конституционно-правовое значение лишь в той мере, в какой допущенные при его принятии процедурные отклонения повлияли либо могли повлиять на содержание правового регулирования и его конституционную допустимость.

Таким образом, ссылка коллегии судей на Постановление Конституционного суда Кыргызской Республики от 19 февраля 2025 года отражает применение требования, установленного статьей 17 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», и свидетельствует о правильном понимании пределов конституционного контроля при разрешении вопроса о принятии обращения к производству.

Ввиду чего, Конституционный суд отмечает, что ссылка заявителя на пункт 3 части 2 статьи 17 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» как на подтверждение того, что указанная

норма не связывает формальный контроль конституционности нормативных правовых актов с материальным контролем, является необоснованной. Данная норма определяет пределы разрешения дела по существу и подлежит применению в рамках конституционного судопроизводства после принятия обращения к производству, в системной взаимосвязи с иными элементами статьи 17, а не на стадии решения вопроса о допустимости обращения.

Именно поэтому на предварительной стадии коллегия судей была обязана установить, не сводятся ли доводы обращения исключительно к формальному аспекту порядка принятия нормативного правового акта либо заявителем обоснована его конституционно-правовая значимость. Доводы, не выходящие за пределы формального несогласия с процедурой нормотворчества, не опровергают презумпцию конституционности оспариваемого нормативного правового акта.

Применительно к доводу заявителя о непроведении обязательного общественного обсуждения указанная правовая позиция означает, что данный элемент процедуры принятия нормативного правового акта относится к формальным аспектам нормотворческого процесса. При этом статья 22 Закона «О нормативных правовых актах Кыргызской Республики» закрепляет общий порядок общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов, одновременно устанавливая случаи, когда такое обсуждение проводится, и случаи, когда требования о его проведении не подлежат применению. Тем самым законодатель, формируя стандарт процедуры нормотворчества, не придает общественному обсуждению безусловного и абсолютного характера, а очерчивает пределы усмотрения нормотворческого органа, реализация которого подлежит оценке с точки зрения последствий для содержания нормативного правового акта и затрагиваемых конституционных прав свобод.

Поэтому само по себе непроведение общественного обсуждения не образует достаточного основания для признания нормативного правового акта неконституционным, если заявителем не показано, каким образом

предполагаемое отклонение от процедуры трансформировалось в материально значимый дефект нормативного регулирования, затрагивающий конкретные конституционные права и свободы.

Фактически доводы заявителя в данной части сводятся к выражению несогласия с выбранный Кабинетом Министров моделью нормотворческого процесса и уровнем участия институтов гражданского общества в подготовке подзаконного регулирования. Однако подобные аргументы, затрагивающие вопросы целесообразности и качества нормотворчества, относятся к сфере публичной политики и не образуют конституционного вопроса, подлежащего разрешению в порядке конституционного судопроизводства, при отсутствии подтвержденных обстоятельствами дела последствий применения оспариваемого нормативного правового акта, свидетельствующих о затрагивании конституционных прав и свобод.

3. Касательно довода заявителя о том, что коллегия судей, ссылаясь на статью 105 Конституции и положения конституционного Закона «О прокуратуре Кыргызской Республики», вышла за пределы проверки допустимости обращения и фактически разрешила дело по существу, Конституционный суд отмечает следующее.

Как уже выше было отмечено, осуществляя указанную проверку, коллегия судей не разрешает вопрос о конституционности нормативного правового акта по существу, а оценивает доводы заявителя *prima facie* (на первый взгляд, без разрешения вопроса по существу), с точки зрения их способности поставить под сомнение конституционную допустимость оспариваемого регулирования.

Так, при разрешении данного довода Конституционный суд исходит из правовой позиции органа конституционного контроля, изложенной в своем Решении от 13 января 2014 года, согласно которой прокуратура является самостоятельным и независимым государственным органом, чей конституционный статус предопределяет осуществление возложенных на нее функций в строго определенных Конституцией и законом пределах. Он

указал, что прокуратура осуществляет предоставленные ей государственно-правовые функции в рамках закона, не выходя за пределы своей компетенции, при этом формы и механизмы реализации ее полномочий могут быть конкретизированы законодательством.

Ввиду отмеченного, оспариваемые нормы Положения, предусматривающие направление в органы прокуратуры информации, связанной с участием некоммерческих организаций в политической деятельности, для дачи соответствующего заключения, сами по себе не свидетельствуют о выходе за пределы конституционно закрепленного предмета деятельности прокуратуры и не порождают очевидных сомнений в создании нового вида контроля за деятельностью некоммерческих организаций.

В свою очередь, оспариваемые нормы Положения, принятые во исполнение статьи 17-1 Закона «О некоммерческих организациях», регулируют порядок реагирования уполномоченного органа на обращения государственных органов, органов местного самоуправления и средств массовой информации и предусматривают возможность направления отдельных вопросов в компетентные органы, в том числе в органы прокуратуры, для получения заключения по вопросам соблюдения законодательства Кыргызской Республики в границах своих функциональных назначений.

Таким образом, из содержания оспариваемого нормативного регулирования не усматривается, что установленный порядок формирует для органов прокуратуры самостоятельное полномочие по контролю за деятельностью некоммерческих организаций либо изменяет содержание прокурорского надзора, закрепленного Конституцией и конституционным Законом «О прокуратуре Кыргызской Республики».

В этой связи обращение коллегии судей к положениям статьи 105 Конституции и конституционного Закона «О прокуратуре Кыргызской Республики» не свидетельствует о выходе за пределы стадии принятия

обращения к производству, поскольку было направлено на установление того, укладываются ли оспариваемые положения в конституционно и законодательно установленную модель правового статуса и компетенции органов прокуратуры и способны ли доводы заявителя поставить под сомнение конституционную допустимость соответствующего нормативного регулирования.

4. По части довода заявителя о нарушении требований правовой определенности и однозначности пунктов 36-40 Положения.

Заявитель в данном вопросе приходит к утверждению о том, что коллегия судей не дала самостоятельной оценки аргументам о несоответствии пунктов 36-40 Положения требованиям правовой определенности и однозначности, вытекающим из Конституции и международных договоров, участницей которых является Кыргызская Республика, а также не опровергла приведенные заявителем примеры возможных неблагоприятных последствий их применения.

Между тем, как уже упоминалось, на стадии проверки допустимости обращения коллегия судей не осуществляет анализ оспариваемого нормативного правового акта по существу, поэтому не оценивает его соответствие Конституции и международным обязательствам Кыргызской Республики в аспекте возможных вариантов правоприменения.

Приведенные заявителем доводы о возможности проведения проверок на основании недостоверных сообщений, неоднократного либо одновременного проведения проверок, установления чрезмерно коротких сроков исполнения требований либо истребования документов, не относящихся к предмету проверки, касаются предположений о потенциально обременительном применении Положения и сами по себе не свидетельствуют о наличии неопределенности, противоречивости либо внутренней несогласованности нормативного содержания пунктов 36-40.

При этом пункты 36-40 Положения приняты во исполнение статьи 17-1 Закона Кыргызской Республики «О некоммерческих организациях» и не

формируют самостоятельного нормативного регулирования либо новых полномочий государственных органов, а направлены на процедурную конкретизацию предусмотренного законом механизма реагирования. Такое нормативное воспроизведение и детализация не могут рассматриваться как источник правовой неопределенности.

С учетом изложенных правовых подходов доводы заявителя в данной части не содержат аргументации, позволяющей сделать вывод о том, что нормативное содержание пунктов 36-40 Положения допускает неоднозначное толкование либо не позволяют адресатам нормы предвидеть правовые последствия своего поведения, что не усматривает конституционно значимую правовую неопределенность их нормативного содержания

Поэтому факт отсутствия в определении коллегии судей детализированного анализа каждого из приведенных заявителем гипотетических сценариев правоприменения не свидетельствует о нарушении требований конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» и не может рассматриваться как основание для вывода о незаконности либо неполноте проверки допустимости обращения.

В этой связи доводы заявителя о том, что указанная часть ходатайства подлежит принятию к рассмотрению, являются необоснованными.

5. Конституционный суд относительно ходатайства заявителя об обеспечении участия представителя организации в его заседании отмечает, что в соответствии с частью 2 статьи 38 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» жалобы на определения коллегии судей об отказе или о принятии обращения к производству рассматриваются в порядке письменного процесса. Согласно пунктам 103 и 104 Регламента Конституционного суда, утвержденного Постановлением Конституционного суда 18 февраля 2022 года, письменный процесс представляет собой заседание, проводимое в отсутствие участников процесса по делам указанной категории.

В соответствии с требованиями статьи 33 конституционного Закона участниками конституционного судопроизводства считаются стороны, их представители, третьи лица, свидетели, эксперты, переводчики. Отсюда следует, что, лица подавшие жалобу не вправе присутствовать на заседаниях Конституционного суда по обозначенному вопросу.

В связи с этим требования о необходимости личного участия заявителя либо его представителя в заседании Конституционного суда не подлежат удовлетворению.

На основании вышеизложенного, руководствуясь частью 5 статьи 30, статьями 38, 48, 49, частью 1 статьи 52 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», Конституционный суд Кыргызской Республики

ПОСТАНОВИЛ:

1. Жалобу Исмаиловой Т.А. на определение коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 19 сентября 2025 года оставить без удовлетворения.

2. Настоящее Постановление является окончательным, обжалованию не подлежит и вступает в силу с момента подписания.

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

№_____